

**Меня на небе не ищи
Это настоящее**

Ясна Куц

Ясна Куц

Меня на небе не ищи Это настоящее

<https://litres.ru/73916926>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катя Круглова – студентка третьего курса экономического факультета. В свободное от учебы время подрабатывает продавцом в антикварной лавке, страстно мечтает выйти замуж за своего возлюбленного Макара. Однажды на пороге ее магазина появляются двое молодых людей - Ваня и Костя. Никто из троицы пока не догадывается, чем обернется эта неслучайная встреча.

Дороги, над которыми невластно время, истовая надежда на лучшее, борьба с собой и за себя - все сплелось в клубок, из которого предстоит соткать жизнь.

Содержание

Глава 14. Наяву	4
Глава 15. Внезапно	18
Глава 16. Прощай	31
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ясна Куц

Меня на небе не ищи Это настоящее

Глава 14. Наяву

Новая мелодия будильника заиграла непривычно громко. Катя потянулась к тумбочке, но рука тут же обессиленно упала на кровать.

«Малой погиб», – эхом разорвали сон страшные слова.

Катя распахнула затуманенные глаза, приподнялась на локтях и свернулась калачиком от режущей боли в висках. Голова гудела. Спертый воздух душил. Тошнота настойчиво подступала.

– Это сон... Сон! – шептала Катя, уткнувшись липким от пота лицом в подушку.

Будильник зазвенел снова. Рука потянулась в сторону тумбочки, но опустилась не на прохладную гладь столешницы, а на нечто мягкое, теплое.

Катя медленно приподняла голову, зажмурилась что было сил и поморгала. Она проснулась в родительском доме, а рядом, на небольшой кровати, тихонько сопел ее маленький сын. Картинка перед глазами наполнилась красками, пред-

меты обрели свои очертания. Катя вскочила от испуга, но тут же со стоном опустилась на колени. Одной рукой она держалась за бязевую простынь, комкая ее до красных костяшек в кулаке. Другая рука невольно потянулась к затвердевшему животу. Катя опустила глаза вниз. Тело забил озноб.

– Чего... – сквозь слезы пробормотала она, пытаясь вспомнить, что с ней случилось.

Страх путал мысли. Тянувшая боль внизу живота усиливалась. Тем временем безмятежно спящий Сева проснулся.

– Мама, пиет, – сказал сын, улыбнулся и уставился не по-детски понимающим взглядом на мать.

Катя вытерла слезы, сделала глубокий вдох-выдох и с опаской коснулась шелковистой, разогретой ото сна детской щеки кончиками пальцев.

– Привет, зайка, – прошептала она и провела рукой по его взъерошенной голове.

Сердце стало биться ровно. Катя почувствовала, как живот под ладонью обмяк, встала с пола и присела на край кровати. Сева неуклюже поднялся на четвереньки, подобрался ближе к маме и припал щекой к ее животу. Маленький человечек по ту сторону ответил толчком на прикосновение.

– Ма-а-ама, гьянь! – засмеялся Сева. – Бёт меня!

Катя дрожащими губами улыбнулась в ответ, крепко обняла сына и задумчиво уставилась в одну точку.

«Эм-м... Вчера мой Сева говорил, что хочет поступить в военное. Это было как наяву! А потом к соседям приехала

скорая. Андрей сказал, что Ваня... — Катя зажмурилась. — ...погиб. И все. А сейчас я дома у родителей, моему сыну, получается, без малого два года, и я беременна вторым ребенком? Неужели это все был сон?!»

Сева освободился от объятий матери, слез с кровати и, потирая сонные глазки, пошел искать в куче игрушек свой любимый грузовик.

Катя встала тоже и с трудом направилась в гостиную. Ноги не слушались, будто и не ходили вовсе. Поясница ныла. Глубокий вдох беспомощно трепыхался в груди и проваливался в пропасть.

— О, доча! Ты уже проснулась, — застал врасплох отец. — А я вас проведать шел. Мы с мамой на работу. Чай и блины на столе.

Катя оцепенела.

Отец нахмурил брови.

— Дочь, плохо тебе? — забеспокоился он. — Бледная, как будто привидение увидела...

Катя закусилла нижнюю губу и протянула руки к отцу. Максим Леонидович мельком взглянул на часы и шагнул вперед. Катя прижалась к отцу и расплакалась.

— Кошмары какие-то снились, — сквозь слезы пробормотала она.

— Моя хорошая... — ласково сказал отец, погладил дочь по спине и поцеловал в макушку. — Ну все, я побежал, а то мама в машине ждет, ругаться будет.

– Мг. До вечера, – сдавленно ответила Катя.

Отец кивнул и поспешил на улицу.

В доме воцарилась тишина, которую ненарочно нарушало то тиканье часов, то гул работающего холодильника, то едва слышное шебуршание в комнате. Катя стояла посреди маленькой гостиной, свесив руки.

«Все хорошо. Все живы. Здорово ведь! Только почему мне на душе так тяжело?»

– Мама-а-а, ти де? – слышалось из спальни.

Катя вздрогнула. Ей отчего-то было непривычно, что рядом с ней беззащитный малыш, и его нельзя оставлять одного.

– Я здесь, сынок, – отозвалась она.

Чашка горячего чая согревала руки. Катя приподняла ее, дуновением разогнала полупрозрачную дымку и сделала глоток. Тепло разлилось по груди.

«Странно... Разве я не разбила эту чашку?» – наморщилась Катя.

В семье Кругловых у каждого была своя любимая кружка, в том числе и у нее. В том настоящем, на позднем сроке беременности, Кате ни с того ни с сего захотелось подбросить к потолку скопившиеся на дне любимой чашки капли воды. Она отвела руку назад, замахнулась и увидела, как кружка сделала сальто в воздухе и вдребезги разбилась о кафельный пол.

После завтрака Сева ушел в гостиную переворачивать мешок с игрушками, аккуратно собранный с вечера. Катя допила чай, включила воду в кране и подставила руку под струю.

«Почему я помню, что разбила эту кружку до рождения Раи? С чего я вообще взяла, что мою дочь будут звать так? – задавалась вопросами Катя. – Я чувствую воду на своей коже. Я чувствовала вкус еды, аромат чая, тепло своего сына. Боже... Сына... Почему я помню своего Севу взрослым, хотя он еще совсем малыш?»

Катя убрала вымытую посуду на сушилку в шкафу, отошла от мойки и едва не упала. Перед глазами все поплыло, в ушах загудело. Сева о чем-то громко щебетал в соседней комнате, но Катя его уже не слышала. Голова раскалывалась так, будто ее до хруста зажали в тисках, а потом медленно отпустили. Катя попыталась на ощупь дойти до стены, ухватиться за нее и ползком перебраться в гостиную, на диван. Но стоило оторваться руками от стола, ноги подкосились, как сухие пустотелые ветки.

Маленький Сева услышал грохот, подбежал к маме и постарался ее поднять. Он хлопал по бледным щекам Кати крохотными ладошками, жалобно звал и трепал за руку, но все тщетно. Мама не просыпалась.

Вспышка. Такая яркая, будто само солнце опустилось на землю. Картинки замелькали словно узоры в калейдоскопе. Лица повзрослевших детей, мамы, брата сменяли друг друга,

где-то вдалеке слышался голос Вани. Он вел репортаж. Почему-то привиделась полусухая яблоня из бабушкиного двора. И орел, парящий над ней как предвестник чего-то страшного. Хоровод звуков, картинок исчез так же быстро, как и появился. Теперь перед закрытыми глазами тут и там стали проявляться красные круги, но через доли секунды их поглотила крошечная темнота. Катя услышала легкие шаги. Они приближались. Еще мгновение, и чья-то нежная рука опустилась не ее голову, нежно погладила. Красивый женский голос запел колыбельную на непонятном, но каком-то родном языке. Катя не чувствовала тела, но ощущала, как успокаивается и засыпает душа.

Колыбельная закончилась до обидного быстро. Нежная рука перестала поглаживать в такт песне. Неожиданно слышался хлопок. Такой громкий, что мрак от него встрепнулся. Катя открыла глаза.

Голова еще побаливала, но не так сильно, как перед обмороком. Гул в ушах стих.

«Башка трещит, как после того эксперимента», – подумала Катя и сжала пальцами виски.

Она приподнялась на локте и увидела рядом с собой перепуганного сына. Малыш сидел, обхватив колени тонкими ручонками, и рыдал захлеб.

– Сыночек, ты чего? Иди к маме, – прошептала она и протянула к нему руки.

Дрожащий Сева с опаской подполз к матери.

– Ма-мас-ка... ты.... и.... у-ме-ла...? – с трудом выдавливая звуки, спросил он и замотал головой.

– Ты что, зайка?! Нет, конечно! – ответила Катя и прижала к себе вспотевшего сына.

«Мой маленький. Маечку хоть выжимай», – с горечью подумала она.

Руки и ноги Севы были холодными, сердечко в маленькой груди колотилось бешено.

...

– Вы представляете, я им говорю: «До понедельника!». А они мне: «До какого? Сегодня четверг». Смотрю в телефон – и правда четверг! – услышала Катя обрывок разговора продавца и покупателя в магазине рядом с домом. После обморока ей не терпелось выйти на улицу и подышать свежим воздухом.

– Да я и сама подумала: «О, хорошо! Зарплата сегодня! Пятница же, четырнадцатое». А расчетчица наша говорит: «Ты че? Во-первых, четверг. Во-вторых, тринадцатое, ага-а», – поддержала покупательница.

Продавец перевела взгляд на Катю, улыбнулась и спросила:

– О, Катенька! Что ты хотела? Твое любимое печенье утром привезли.

Катя шла домой не спеша, поглаживая маленькую ручонку сына. Она смотрела по сторонам и не узнавала улицу ро-

дителей: у кого-то во дворе еще не выложена тротуарная плитка, где-то назло времени стоит перекошенная хатка, которую скоро снесут и возведут на ее месте новый дом, ну а кто-то из соседей доживает свой век, сам того не зная. После услышанного в магазине Катя всерьез задумалась: может, ее воспоминания о будущем – не плод воображения?

В обед Сева уснул быстро. Катя тихонько встала с кровати и пошла бродить по дому. Ходьба приводила мысли в порядок.

На душе по-прежнему было тревожно. Перед глазами отчего-то стояла довольно странная картина: скорая помощь с мигалками, соседи с бабушкиной улицы, Андрей, а в голове то и дело пульсировали его страшные слова: «Малой погиб».

«Да не сон это все! Не сон! – повторяла себе Катя. – А если не сон, то что?»

Она выписывала по дальней комнате очередной круг, но, приблизившись к деревянному стеллажу с комнатными цветами и маленькому дивану, вдруг остановилась, обхватила лицо руками.

«Мой папа жив. Ну так почему же я помню его похороны? Откуда я знаю, что его гроб стоял здесь, на месте этого самого дивана?!»

Катя подошла к окну, уставилась стеклянными глазами на улицу. Жизнь за двойным стеклом шла своим чередом: по грунтовой дороге ездили машины, мимо двора ходили

школьники, в соседнем дворе на них неустанно лаяла маленькая собачонка, сосед напротив звал свою трехцветную кошку «Линду». Катя округлила глаза и почувствовала, как под сердцем что-то запекло.

«И он живой, что ли?»

....

На время ремонта во второй детской комнате Макар отправил жену и сына пожить к теще и тестю. Катя с замиранием сердца ждала, когда автомобиль мужа подъедет ко двору ее родителей. Возвращаться домой было страшно.

Евгения Васильевна шла за ручку с Севой, несла сумку с вещами и неустанно причитала:

– Не ругайтесь там. Видишь, как Макар старается!

– Хорошо, – сухо отвечала Катя.

Машина остановилась у ворот. Дверца хлопнула. Через считанные мгновения у калитки показался Макар.

– Здравствуйте! – громко поздоровался он.

– Привет! – кивнула Евгения Васильевна.

Макар поровнялся с тещей, взял у нее сумку из рук и подошел к жене. Катя остановилась как вкопанная.

– Солнце... – тихо сказал он жене и приобнял ее за плечи.

Катя слегка отшатнулась. Макар нахмурился, стер с лица едва заметную улыбку и ушел вперед.

«Мы женаты! Же-на-ты», – напредила себе Катя.

Она догнала Макара, схватила его за руку.

– Подожди... Я же смотрю, что это у тебя, – сказала она,

снимая с его бровей воображаемую паутинку.

– А-а-а, – улыбнулся Макар. – Я подумал, что видеть меня не хочешь.

Ночью Катя долго не могла уснуть. Воспоминания о том настоящем лезли в голову сильнее прежнего.

«Если я не сошла с ума, а действительно попала в прошлое, то с какой целью? По какой причине? – размышляла Катя. – Как же трудно держать все в себе».

Бок, на котором лежала, онемел. Катя попыталась перевернуться, но... Рая взбунтовалась! Живот заходил ходуном, а потом отвердел, словно гипс. Катя застонала, уперлась ладонями в матрас и привстала.

– Зай, все нормально? – пробормотал сонный Макар.

– Да, – сдавленно ответила Катя. – Рая буянит.

– Какая Рая? – переспросил муж.

Катя поняла, что осеклась.

– Дорогая, говорю, буянит... – выкрутилась она и шумно выдохнула.

– А-а-а... – протянул Макар. – Послышалось, что ты дочку как бабушку назвала.

Кате стало не по себе от слов мужа. Она облокотилась на спинку кровати, нежно погладила живот и мысленно обратилась к тому, кому ничего не нужно объяснять. Слезы покатались вниз сами собой. Катя захлопала носом.

– Ты че, плачешь? – раздраженно спросил Макар.

– Нет, нос заложило.

– Да что ж такое! – разозлился муж, вскочил с постели и вышел из комнаты. – Опять я не выплусь сегодня!

Катя осталась в спальне одна со спящим сыном.

Ночь была тихой, ясной. Как тогда, в день рождения Севы. Лунный свет причудливыми узорами падал на постель сквозь ажурные занавески. Кате казалось, что в спальне от него не только светло, но и тепло. Она мысленно рассказывала обо всем, что не давало ей уснуть этой ночью. Перед рассветом, когда уже изредка кричали соседские петухи, ее веки обессиленно сомкнулись.

Дом бабушки. На кухне, покинутой за секунды до приезда скорой помощи в том настоящем, накрыт стол. За ним сидят повзрослевший Сева, Рая, двое других маленьких детей, мальчик и девочка, а с ними старец, не иначе как из сказки. Мальшиш наперебой что-то рассказывают. Старик смотрит на них и улыбается.

– О, доча! – радостно воскликнул отец и поставил на стол блинчики с подтаявшим кусочком сливочного масла. – Мы тебя заждались! Давай мой руки и за стол. К нам родственник издалека в гости приехал...

Сон оборвался на полуслове. Сева разбудил маму, чтобы попросить водички.

Катя напоила сына и вернулась в остывшую кровать. Внутри нее что-то болезненно сжалось от тоски. Дыхание

участилось. Горячая слеза обожгла переносицу.

«Мой дом. Мои дети, – вспоминала Катя увиденный сон. – Наша крайняя встреча. Как же я скучаю... И старца этого я уже видела. Папа сказал, что это наш родственник, и он приехал издалека. А еще сказал, что они меня заждались. Заждались в мире живых? На моей кухне? Так может быть, я либо умерла в том настоящем, либо была на волосок от гибели, потому и очутилась здесь? Тут все чужое. Все не мое».

Катя укуталась в одеяло, как в кокон, закрыла глаза и вздрогнула, будто упала в пропасть.

«Велея», – прогремело в памяти.

...

Первый день своего законного отпуска Максим Леонидович решил провести с дочерью и внуком. Они вместе проехали по магазинам, посидели в кофейне и отправились на новую детскую площадку рядом со школой искусств. Катя то и дело пыталась невзначай взять папу под руку, обнять покрепче.

Сева как заведенный резвился с другими детьми, а мама с бабушкой приглядывали за ним со скамейки.

– Пап, а поехали дом бабушки проведем? – спокойно спросила Катя, а сама задыхалась от волнения.

– Макар не будет ругаться, что катаемся целый день? – пожал плечами отец.

Катя промолчала.

– У вас все нормально? – обеспокоенно спросил Максим

Леонидович.

Катя потупила взгляд.

– Дочь?

– Слышу, пап... – тихо ответила Катя и отвернулась, ухватившись обеими руками за край скамейки.

– Рассказывай, что случилось? Если тебе плохо, не надо молчать. Хотя... Зачем я спрашиваю, если сам все знаю? – отец опустил глаза, сложил руки в замок.

– Я не хочу ехать к нему домой. Не хочу с ним жить. Я обязательно подам на развод, как только дети подрастут. Да, бегала я за ним в школе, как собачонка. Ну и что теперь? Всю жизнь за это платить? Нет того Макара, которого я любила. А может быть, и не было никогда, – обреченно ответила Катя.

От мысли, что придется заново пройти через годы ссор и обмана, горло засадило.

Отец обнял дочь за плечи и прижал к себе. Катя опустила голову на его плечо.

– Мое ты зернышко... Если тебе без него лучше, то уходи. Хоть дети у вас общие, но гробить себя не надо. Какой пример ты им подашь? Мол, мы из-за вас страдали и вы, когда женитесь, тоже страдайте? Ничего, справимся! Мать я беру на себя. Дом бабы Таи отремонтируем. Хочешь, будешь там с детьми жить. А хочешь, в квартиру бабы Зины переезжай. От кого еще ждать помощи, если не от родителей?

Катя подняла голову, взглянула на отца.

– Мама будет в бешенстве, да?

– Ну-у, поначалу – да, – развел руками Максим Леонидович. – Маму не знаешь, что-ли? Покричит и перестанет. Все будет хорошо! Думай о детях. Сегодня ему скажешь?

– Мг... – оживилась Катя. – Так что, съездим в дом бабушки?

– Грузитесь в карету, – махнул рукой отец и встал со скамейки.

Катя позвала сына, и три поколения Кругловых сели в серебристую «десятку».

Глава 15. Внезапно

«Вот сейчас он придет с работы, и я все скажу», – мысленно твердила себе Катя, остервенело натирая газовую плиту чистящим порошком.

Входная дверь хлопнула. Сева выбежал из кухни в прихожую.

– Папаска! – крикнул он и бросился к отцу.

– Привет, мой хороший! – ласково ответил Макар.

За стеной слышались тяжелые, торопливые шаги. Макар вошел в кухню с сыном на руках.

Сердце Кати сжалось в кулачок. От бывшей уверенности не осталось и следа.

– Привет, малыш! – ласково сказал Макар и поцеловал жену в щеку.

Перед ужином Катя не смогла выдавить из себя ни слова. Она старалась вернуть прежний запал, вспоминала обиды из того настоящего, но страх перед будущим и чувство вины путали по рукам и ногам.

Макар принял душ, уселся перед телевизором в гостиной. Катя по-прежнему хлопотала на кухне.

«Да соберись ты, размазня! Ничего не изменится!» – ругала она себя.

Макар неспешно переключал каналы. Громкие обрывки

рекламы, фильмов, новостей раздражали. Катя с грохотом поставила в раковину два напеченных стакана, бросила губку и, вытирая на ходу руки о свой расклешенный сарафан, направилась к мужу.

– Не знаю, что включить, – задумчиво сказал Макар. – Зай, сделай мне чай, пожалуйста.

Катя присела напротив, на краешек кресла.

– Н-нам надо развестись, – произнесла она робко, не своим голосом.

Задорная реклама жевательной резинки промелькнула на экране яркими вспышками, выскочила из динамиков какофонией звуков. Макар медленно повернулся к жене.

– Чего-о? – поморщился он.

– Н-нам надо развестись – задыхаясь, повторила Катя.

Макар заскрежетал зубами, сжал пульт в руке.

– Гормоны в голову ударили? – грозно спросил он.

Катя тряхнула головой, опустила глаза.

– Нет. Я подаю на развод.

Фильм на вечер уже никто не искал. В мгновение ока пульт ударился о стену и разлетелся на куски. Разъяренный Макар вскочил с дивана и подлетел к жене.

Катя вытаращила глаза.

– Ты что себе позволяешь, а? – процедил он Кате в лицо.

– Я днями пашу-пашу ради тебя, ради детей! А что получаю взамен? Скандалы, истерики, нервотрепку? Я тоже не железный, Катя! Думаешь, раз ты беременна, то все перед тобой

кланяться должны? Вот!

Макар ткнул фигой в нос жене. Катя молча увернулась.

– Разводится она! Думаешь, прям щелкнешь пальцем, и за тобой очередь выстроится? Да кому ты нужна? Запомни раз и навсегда: для нормального мужика жениться на бабе с прицепом – позор!

Катя сглотнула.

– Я никому навязываться не собираюсь.

Макар усмехнулся, выпрямился, убрал руки в карманы.

– Ну да, ну да Все вы так говорите, – фыркнул он и вальяжно упал на диван.

– Думай что хочешь. Мое решение окончательное. Этот цирк надо заканчивать.

Макар всплеснул руками, повысил голос.

– Да бедняжка ты наша!

Катя встала с кресла, обхватила трясущимися руками поясницу. Дочь в животе беспокойно заворочалась.

– Ты с самой школы об меня ноги вытирал, а я, дура, этого замечать не хотела, – едва сдерживая слезы огрызнулась Катя. – Твоя мать меня за человека не считает, а тебе все равно! Жизнь сломала, да? Помешала городскую в Ростове найти? Ну извини! Искренне желаю тебе счастья, здоровья и удачи! А мы поехали. Пока!

Макар настиг жену на пороге спальни и вцепился в предплечье.

– Стой, дорогуша! Уйдешь ты одна! Сын будет жить со

мной! – прохрипел он.

Катя резко одернула руку и стукнулась локтем о дверной косяк.

– Не будет! – крикнула она. – Я порядочная мать, и суд не отберет у меня ребенка.

Губы Макара задрожали, растянулись в кривой ухмылке.

– Если я узнаю, что ты уходишь к другому, тебе хана.

Муж разжал побелевшие пальцы, выскочил из дома.

На руке Кати остались красные следы и вдавленные улыбки от ногтей.

Скандал вышел грандиозным. Евгения Васильевна уговаривала зятя не воспринимать слова дочери всерьез и дать ей время одуматься. Свекровь же требовала поставить обнаглевшую невестку на место, расторгнуть злосчастный брак и через суд определить место жительства внука.

В маленьком полупустом отделении почты пахло свежими газетами и бытовой химией. Время здесь будто остановилось, хоть стрелки на простеньких настенных часах неизменно шли по своему маршруту: те же самые аккуратно выкрашенные персиковой водоэмульсионкой стены, на которых красовались яркие журналы и рекламные плакаты, белый потолок с хорошо заметными неровностями и местами затертый коричневый линолеум. Это отделение выглядело одинаково хоть в том настоящем, хоть в этом.

Катя заняла очередь за пожилым мужчиной с целым ворохом квитанций.

– Билетик у вас купить, что ли? – рассуждал вслух посетитель.

– Берите, конечно! – подбодрила оператор. – Верить в удачу нужно всегда.

Мужчина махнул рукой и зашелестел купюрами.

– Давайте парочку.

Катя беспокойно теребила в руках уведомление о вручении заказного письма. На почту она заскочила по пути в суд, поэтому ожидание было сейчас для нее особенно томительным.

День выдался на редкость солнечным. Согретая после проливных дождей молодая зелень из всех сил тянулась вверх, омытые от пыли листочки игриво перешептывались на кронах деревьев. Аромат новой жизни витал в воздухе.

Катя подала на развод. Из суда она вернулась ближе к трем часам дня. Отец до вечера уехал по делам, а у матери был выходной.

– Мам, я дома, – крикнула Катя с порога.

Никто не ответил. Только посуда загрохотала на кухне.

– Ма-а-ам, ты чего молчишь? – переспросила Катя, двигаясь на шум.

Мать швырнула начищенную кастрюлю в мойку.

– А что тебе сказать?! – выпалила она. Евгения Васильев-

на, как и дочь, в минуты беспокойства искала отдушину на кухне. – Бросить мужа, когда один ребенок только ходить научился, а второй еще в животе сидит – это ж какой дурой надо быть? Да еще какого мужа-то, а! Ты о детях подумала башкой своей?! Найдешь себе какого-нибудь полудурка, а с ними что? Лучше будет, думаешь? Каждый день уходить на работу и гадать, не издевается ли он над ними?! – до хрипоты кричала мать.

– Ма, прекрати! – дрожащим голосом ответила Катя. – Ненормально – это в подушку рыдать ночами, а наутро жить не хотеть. Лучше я одна останусь с детьми, чем с ним.

– Да кто ж тебя замуж гнал? Бабушка как не хотела этой свадьбы! А мы с отцом, два идиота: «Дочка полюбила, пусть живут. Не будем жизнь ей ломать». Пожили бы в своем Ростове да и разбежались! Так нет же! Нам же бере-е-еменеть приспичило! А потом виноваты все остались!

– Мама, ты что такое говоришь?! Я любила Макара – пыталась так же выкрикнуть Катя, но ее слова застряли в горле. – Убить меня теперь за это?

Невесть откуда за спиной дочери появился отец.

– Женя, успокойся! – тихо приказал он. – На улице слышно, как ты орешь. Всех довести решила? Внук под виноградником спрятался и сидит плачет, пока бабка мать клянет повсякому.

Евгения Васильевна фыркнула, метнула на мужа и дочь колючий взгляд.

– Я никогда тебе этого не вспоминал, но сейчас все выскажу! – продолжил Максим Леонидович.

Катя отошла в сторону, испуганно взглянула на отца и легонько обхватила его за плечи, чтобы успокоить. Максим Леонидович стряхнул с себя руки дочери.

– А не забыла ли ты, Женя, как твой сын предсмертную записку до армии писал? Нет? – вскинул бровь отец.

Его лицо исказилось, скулы задрожали. Мать побелела как полотно. Катя отшатнулась.

– Это ты Аню тогда на аборт отвезла! – выпалил Максим Леонидович и гневно ткнул пальцем в сторону жены. – А за нее, сироту, и заступиться было некому. Натворили они с Гришей дел, да. Молодыми были. Как и мы с тобой когда-то. Помнишь? А теперь что? Вместе с внуком и сына потеряли! Как чужой! Аня ему и нам назло замуж за первого встречного выскочила, который бил ее каждый день. А ты помнишь, Женя, как Гришу чуть с работы не выперли? Ну, когда Аня наряд вызвала Он на ее муженьке живого места не оставил! Хорошо, хоть камеры у людей записали, что Гриша в гражданской одежде был! Как лучше хотела, говоришь?

Евгения Васильевна отвела взгляд в сторону. Половина ее лица непроизвольно задергалась.

– А если ты умный такой, то почему тогда промолчал? За бабьей спиной проще спрятаться, да? Дети Они сами были как дети! Аня что, на выпускной с пузом пошла бы? А Гриша? Бросил бы учебу и пошел в колхоз пыль глотать, чтобы

жену и дитя прокормить? Не такой жизни я сыну хотела! У них бы тогда все равно ничего не получилось, и остался бы ребенок никому не нужный.

– Да и пускай не вышло бы! Но это были бы их ошибки! А дитя мы бы сами воспитали, потому что он наш, Круглов! – отец все сильнее багровел, на его лбу проступила испарина. – Я же тебя просил не лезть, Женя! Но ты плевала на всех! Да, я тоже виноват. Виноват, что не заступился! Поэтому дочку я тебе на растерзание не отдам. Не нравится? Одна живи! А мы вместе... уйдем, – прохрипел отец и со стоном попятился назад.

Максим Леонидович прислонился спиной к стене, медленно пополз вниз. Одной рукой он хватался за сердце, второй – отчаянно тянул рубашку на груди. Пуговицы с треском отрывались и падали на пол.

- Папа! – истошно закричала Катя и побежала за телефоном.

Евгения Васильевна бросилась на помощь.

Бригада медиков подоспела быстро. Отца увезли в больницу. Мать поехала с ним. Машина скорой помощи давно скрылась из виду, а Катя по-прежнему стояла у калитки, прислонившись щекой к холодному металлу, и глядела ей вслед.

Наедине с собой воспоминания о злосчастной ссоре настойчиво полезли в голову. От начала и до конца. В мельчай-

ших подробностях.

«Так вот в чем дело Аня и Гриша расстались, потому что Аня забеременела в одиннадцатом классе, и мама заставила ее сделать аборт. Теперь понятно, почему в том настоящем папа не хотел приходить на день рождения Севы. Если све-кровь давила на больное, значит, она могла обо всем знать и донимать специально. Но в том настоящем у Ани и Гриши ведь родилась Варенька. Так может быть, и в этом настоящем она появится? Получается, еще восемь лет ждать? Ох, как долго» – тяжело вздохнула Катя.

Легкий ветерок пробрался под подол свободного платья и защекотал живот. Катя растерла ладонями похолодевшие предплечья, помялась с ноги на ногу, глянула вниз. Из дома она выскочила в комнатных тапочках. Катя приложила ладонь к животу, чтобы облегчить внезапную тянущую боль, и оторопела. По телу рассыпался жар.

«Сева Под виноградом сидит!» – с ужасом подумала она и поспешила к сыну.

Сева дрожал, громко всхлипывал и не отрывал взгляд от калитки. Его красные от слез глаза казались не по-детски огромными.

– Зайка, иди к маме, – ласково позвала Катя и протянула руки к малышу.

Сева не шелохнулся.

– Де де-да? – спросил он, заикаясь.

Катя на выдохе опустила плечи, присела на корточки.

– К доктору уехал, сынок.

Сева с недоверием посмотрел на маму, затем опять на калитку и снова на маму.

– А ба-ба?

– А бабушка с ним вместе, чтобы деда не боялся. Пойдем их в доме подождем?

Малыш вытер слезы, качнулся в сторону и нехотя поднялся на ноги. Сева упал в объятия матери, едва успел приблизиться к ней. Катя в ответ прижала к себе ребенка так сильно, как только смогла.

– Прости нас, – прошептала она ему на ушко.

– Мг, – ответил малыш.

Утро следующего дня выдалось дождливым. Тяжелые серые тучи опять сурово растянулись по небу и спрятали от весеннего солнца пробуждающийся мир. Катя обожала пасмурную погоду, но не сейчас, а осенью.

Катя и Евгения Васильевна собрали пакет домашней еды, отвели Севу в детский сад и отправились к отцу в больницу. Впервые за несколько лет мать и дочь куда-то шли вместе и просто говорили. О вчерашней ссоре никто не вспоминал.

Отец сидел в больничной постели и все поглядывал на открытую дверь. Наконец из коридора послышались знакомые голоса.

– Папа! – завизжала Катя и бросилась к папе.

– Привет, моя рыбка! – ласково ответил отец и поймал дочь в объятия.

Евгения Васильевна молча подошла и поцеловала мужа. Максим Леонидович приобнял ее свободной рукой.

Вид у отца был не из лучших: бледный, ссутулившийся, он будто терялся на фоне больничной койки.

Катя подсела ближе к папе, положила голову ему на грудь. Пока отец гладил дочь по голове, она слушала, как спокойно бьется его сердце, и старалась не уснуть. Ночь выдалась беспокойной. Катю мучили то свои кошмары, то кошмары сына.

– Доча, мы тут с мамой посоветовались и решили, что оставим тебе дом бабы Таи. Чтобы все по-честному было, – тихо начал Максим Леонидович.

Катя подняла на отца сонные глаза.

– А-а? – переспросила она.

– Я говорю, что оставим тебе дом бабы Таи, – громче повторил отец. – Грише достанется наш с мамой дом. Он хоть с ремонтом, но маленький, и от школы с садиком далеко. А у бабы Таи прям раздолье, центр под боком. Хороший ремонт сделаем и все.

Отец повернулся к матери.

– Да, Жень?

– Да, – кивнула Евгения Васильевна. – Дом крепкий. Отец мой на совесть строил.

Катя приподнялась, выпрямила спину.

– Дом бабушки? Мне?! Да я только рада буду! – ответила

она. – Спасибо вам огромное!

Родители улыбнулись, переглянулись.

– Как только разведешься, сразу же оформим, – сказала Евгения Васильевна.

Катя украдкой посмотрела на мать, но не смогла отвести взгляд.

«Будто просияла, – подметила она. – Видимо, тоже рада, что бабушкин домик оживет».

– Вот выйду из больницы, и сразу за ремонт возьмемся, – строил планы отец.

– Пап, там бы в первую очередь крышу поменять, – спохватилась Катя. – Она только кажется нормальной. Еще чуть-чуть, и дом зальет. Обои, полы, окна – это уже мелочи. Со временем сама справлюсь.

– Да? – вскинул бровь Максим Леонидович. – А я отопление хотел заменить Сейчас и котлы экономичнее, и трубы по-новому делают. Говорят, в доме тепло, а за газ меньше платить приходится.

Катя замотала головой.

– Нет, пап. Не потянем все сразу. Отопление же нормальное? Не замерзло?

– Нормальное, – ответила мать. – Мы сливали воду.

– Вот! – вскинула брови Катя. – Пусть остается, как есть. Отопление – дело наживное, а вот без новой крыши – совсем никак.

– Ну, – пожал плечами отец. – Как скажешь. Теперь ты

там хозяйка.

Глава 16. Прощай

Аптечная ромашка едва проклюнулась из земли. Катя взглянула на её молодые островки и невольно улыбнулась. Душу тронули воспоминания детства, где она, ребенок семи-восемью лет, накопала ромашку у бабушки в огороде и высадила возле порога в форме сердечка. Со временем растение заполонило весь двор.

Катя ласково погладила негустой упругий коврик, приложила к носу ладонь и улыбнулась.

«Я дома».

Видеть своё жилище со старой крышей, без ремонта, без жизни было непривычно. Отец через знакомых нашел хорошую бригаду кровельщиков и договорился о встрече после выздоровления. А пока он лежал в больнице, Катя наведалась сюда одна, чтобы очистить чердак.

В доме стоял запах сырости и запустения.

«Проветрить бы все хорошенько, - по-хозяйски подумала Катя, сложив руки на кругленькой талии. – Приберусь, а потом вату с эфирными маслами пораскладываю».

Старые деревянные форточки не поддавались. Поржавевшие петли жалобно скрипели, облупившаяся краска сыпалась на пыльный подоконник. Но ещё один рывок, и хрупкие стекла задрожали, свежий воздух ворвался в дом.

Катя взяла три упаковки мусорных пакетов, ведёрко с во-

дой, новую ветошь и осторожно поднялась на чердак.

Посуда, книги, детские игрушки, пакеты с грамотами Гриши и школьными дневниками Кати – всему нашлось здесь место. Нескончаемые стопки газет и журналов, казалось, были пропитаны пылью. Бабушка Тая в день пенсии всегда покупала себе и внучке что-нибудь почитать. Катя не спеша протирала стопки влажной тряпочкой, складывала их в большой пакет и улыбалась. Она вспоминала, с каким трепетом в детстве ждала почтальонку и гадала, какие журналы она привезет в этот раз.

Часы показали десять утра. Катя собрала больше двадцати мусорных пакетов со всякой всячиной, от которой пришло время избавиться. Но самое дорогое сердцу, конечно же, оставила.

...

– О-ой, спина болит! Сил нет! – закричала Катя, с трудом усевшись на маленький кухонный диван.

– А я говорила, какая тебе сейчас уборка? – буркнула Евгения Васильевна, вынимая из духовки румяную курочку. – Мы с папой сами всё приберем. Вот как родишь, так и будешь нам помогать.

От слов матери Катю бросило в жар. Яркими навязчивыми вспышками в голове пронеслись фрагменты прошлого: полный дом людей, ритуальные песнопения, гроб отца.

– Хорошо. – на выдохе протянула она. – Просто когда я там нахожусь, мне прям жить хочется.

Катя поднялась, взяла в руки электрический чайник и подошла к мойке.

– Мам, – робко заговорила она, пока набирала воду. – Вы с папой говорили про...

– Про Гришу и Аню? – перебила Евгения Васильевна.

– Ну да. Расскажешь?

Евгения Васильевна надрезала горячую куриную грудку, обожгла пальцы.

– Что рассказать? Думаешь, мне есть чем гордиться? Нечем, Кать, – мать замешкалась, будто ей не терпелось выговориться, но что-то все равно мешало. – Гриша сказал, что поступит заочно, чтобы учиться и работать. А я сразу поняла, что неспроста он так решил. Они не хотели никому говорить, пока живот не появится. Разве такой жизни я желала своему сыну? Я мечтала, что он поступит в хороший университет, работу найдёт и только потом женится. А тут... на тебе, новость. У меня земля из-под ног ушла, когда я узнала. Куда им рожать было? Родители Ани рано умерли. Её бабушка с дедушкой воспитывали. Мне посоветовали хорошего врача в Краснодаре, я наняла машину и приехала за Аней без предупреждения. До сих пор помню, как она молча в окно всю дорогу смотрела. Ни слезинки не проронила. Мне тогда показалось, что ей тоже лучше будет, если этот ребенок не родится. Я же не думала, что всё так получится... – голос матери дрогнул, она захлопала носом, вытирая тыльной стороной ладони глаза. – Пока отец у Ани не слёг,

она отличницей была, учителем русского и литературы хотела быть. Бедная девчонка... Двух родителей похоронить, с пожилыми стариками остаться. Каждый день я просыпаюсь и думаю о том, что натворила, и с этими мыслями засыпаю. Отец правильно говорит, помочь надо было. Аня тогда ничего не сказала Грише про меня. Наврала, что выкидыш случился, и перестала с ним встречаться. Гриша не поверил. Я не выдержала, сама призналась. До сих пор его лицо перед глазами стоит. Вот поэтому они теперь родить не могут.

Евгения Васильевна замолчала.

Катя услышала, как сглотнула мать.

– Мам, а бабушка знала о Грише?

Евгения Васильевна фыркнула.

– Нет, конечно. Она бы меня убила. Мы с твоим отцом тоже ненамного старше были, когда Гришей забеременели. Но раньше то ли время другое было, то ли кто его знает?

Чайник закипел. Катя сняла его с подставки, залила бурлящей водой пакетик черного чая с бергамотом.

– Что сделано, то сделано. Теперь надо как-то Гришу с Аней в семью вернуть, – задумчиво подытожила она, засмотревшись на танцующие клубы пара.

– Аня поставила ему условие, что сойдутся, если он не будет её заставлять с нами общаться. Гриша согласился. Он и сам давно стал как чужой. Я понимаю, что под лежащий камень вода не течёт, но сделать ничего не могу. Мне стыдно, – Евгения Васильевна подняла на дочь красные от соленой

влаги глаза. – Что молчишь? Осуждаешь?

– Я слушаю, мам, – повела бровью Катя. – Да, осуждаю. Осуждаю, что боишься первый шаг сделать. Ради сына можно и постараться переступить через себя. А захотят они общаться или нет – это уже их дело, – спокойно ответила Катя и приподняла вверх левый уголок губ. – Да, мама, что есть – то есть. Ты никогда не умела у детей прощения просить.

Евгения Васильевна бросила на дочь вопросительный взгляд.

– Ну вспомни: бывало, обидишь нас по детству и ходишь надутая, молчишь. Хотя знаешь, что сама виновата. Не так? Папа вот умел извиняться.

...

Развод с Макаром давался Кате нелегко. В том настоящем она уходила от него со взрослыми детьми, и сын её поддерживал. Сейчас Севе всего два годика, он скучает по папе, а Рая и вовсе ещё не родилась. Выходит, дочь даже не узнает, каково это – жить с отцом.

– Я прошу месяц на примирение, – громко отчеканил Макар. – Моя жена в положении. Это тоже нужно учесть, – снисходительно добавил он.

«Другого я не ожидала», – закатила глаза Катя, но не проронила ни слова.

Макар присел на соседний стул. Катя задела его боковым зрением.

«В том настоящем он заносил эти джинсы до дыр, а потом сделал из них шорты», - отчего-то защемило сердце. – «А эту рубашку я утюгом прижгла. Он тогда прям сильно расстроился».

Катю одолели смешанные чувства, будто внутри непримиримую борьбу развязали белое и чёрное, добро и зло, прошлое и будущее. Она опустила голову, зажмурилась.

«Нет, ни в коем случае. Я не вернусь. Ни за что не вернусь! Он только и делал, что врал, изменял и вытирал об меня ноги. Хватит».

Судья удовлетворила прошение Макара. Повторное заседание назначили через месяц.

– Давай до дома подвезу? – прошептал Макар, наклонившись к самому лицу жены.

Он хотел помочь подняться с места, подставил локоть, но Катя не взяла его под руку.

– Нет, не надо, – ответила она. – Меня Гриша ждёт.

– Понятно... – тяжело вздохнул Макар.

Катя села в машину брата, откинулась на спинку сиденья:

– Скорее бы всё это закончилось... – устало пробормотала она.

Автомобиль тронулся.

– Держись, мелкая. Всё будет хорошо! – подбадривал Гриша. – Я, конечно, понимаю, что Макар – отец моих племянников, и мне нельзя так говорить, но я рад, что ты от него

ушла. Люди не меняются. И он не изменится. Думаешь, я так просто с ним дрался по молодости?

Катя вскользя посмотрела на брата.

– Я у тебя спрашивала, что у вас случилось, а ты отмахнулся.

– Конечно, отмахнулся! «Мой Макар, я его люблю-ю», – скорчил гримасу Гриша. – А у него из десяти слов если два были правдой, то хорошо. Он тебе говорил, что на тренировке, заболел или еще что-нибудь, а сам в парке с другими зажимался. Знаешь, как мне обидно было, что ты верила ему, а не мне? А когда вы расставались? Ты дома днями плакала, а он гулял, как ни в чем не бывало. Зато потом, когда его другие отшивали, бежал к тебе с щенячьими глазками. Ну я один раз не выдержал, решил поговорить с ним по-мужски. Эта скотина рассмеялась мне в лицо и послала. Ну я ему и набил.

Гриша притормозил на светофоре, с нажимом разгладил пальцами складки на лбу.

– Прости, – улыбнулась Катя. – А Макар, он и правда всегда искал драку. Помню, гуляли мы как-то вечером неподалеку от школы и встретили другую парочку. Парень случайно Макара локтём задел, и того как понесло: «Ты чё, чёрт?! Широкий?» Я с букетом, на каблуках, Макара от того парня оттаскиваю! Думала, что этим букетом его и отлуплю. Позорище! Представь, так человека опозорить...

– Горбатого могила исправит, – буркнул Гриша и задум-

чиво усталился на дорогу.

...

Катя сидела в кресле, поджав ноги, и грела холодные пальцы о чашку горячего чая. Телевизор наполнял гостиную бесполезным шумом, который она не слушала.

«В том настоящем мне проще было уходить от мужа: я работала на хлебозаводе, ездила на своей машине, жила как-то, в общем. А сейчас? Рожать скоро. Денег нет. Хорошо, если родители помогут с ремонтом. А дальше что? Мама не пойдёт в декрет вместо меня. Мой опыт работы остался в том настоящем. В этом – у меня даже трудовой книжки нет», – тревожилась Катя.

На журнальном столике, в коробочке с игрушками Севы, лежали смятые лотерейные билеты. Папа часто их покупал. Правда, за всю жизнь ничего больше трёхсот рублей так и не выиграл. Катя отчего-то вспомнила пожилого мужчину, который пару месяцев назад встретился ей в отделении почты.

В том настоящем, при отправке и получении корреспонденции хлебозавода, она часто замечала, как другие посетители на почте покупают лотереи, получают за них мелкие выигрыши и берут новые, на следующий тираж.

«Тот дяденька хоть и пожилой был, а все равно надеялся на чудо. Может, так и надо? Всё будет хорошо. Всё обязательно будет хорошо! – утешала себя Катя. – Тоже куплю билет. Мне ли не верить в чудеса?»

Катя открыла старенький отцовский ноутбук, подключила модем и зашла на сайт одной известной лотереи. Денег на карте было мало. Она выбрала недорогой билет, закрыла глаза, прислушалась к тишине внутри себя и выбрала цифры, которые ее «позвали». Оплатила.

«Розыгрыш через 30 минут. Если выиграю, пришлют смс с кодом», – довольно улыбнулась Катя и закрыла ноутбук.

...

– Дочь, ты дома? – звала мать из коридора, стаскивая с себя обувь на ходу.

Катя была в своей спальне.

– Я в комнате, мам, – отозвалась она.

Евгения Васильевна пришла на голос.

– Доча, ты представляешь, что случилось? Я же рассказала дяде Юре про твой сон! – нетерпеливо затараторила мать. – Говорю, не молодеем мы, Юра, болячек у всех полно. Надо бы провериться. Он поддакивал: «Да, да! Схожу, схожу». Ну и никуда он не ходил... А у нас на работе медосмотр две недели назад был. Врачи приезжали, смотрели нас, анализы брали. И что ты думаешь? Отправили Юру желудок лучше проверить. Я ему тогда еще раз напомнила про твой сон. Он прислушался и пошел. Представляешь, рак у него нашли! Первая стадия. Юра испугался, побежал к другому врачу провериться. Там тоже онкологию увидели. Говорят, хорошо, что рано обнаружили. Будет лечиться теперь. В санаторий на следующей неделе поедет с женой. Вот, – взахлёб

рассказывала мама последние новости.

– Ничего себе, – обомлела Катя.

– А, кстати! – спохватилась Евгения Васильевна и потянулась к сумке. – тётя Маша тебе кое-чего просила передать. Это женья Юры, помнишь?

Мать вынула из наружного кармана чёрной сумочки золотистый конвертик.

– Это что? – спросила Катя.

– Сертификат в новый магазин. Маша не знала, что тебе на память подарить. Говорит: «Пусть Катя сама выберет». В том магазине чего только нет: шкатулки, копилки, картины, посуда, постельное. Тем более, в новый дом тебе всё пригодится.

Глаза Кати заблестели.

– Ух ты, здорово! Пойду сегодня за Севой в садик и в магазин по пути заскочу.

Мама ушла к себе переодеваться, а Катя уселась на кровать, положила руку на живот и отвела взгляд в сторону, к окну. Она всегда смотрела куда-то вдаль, когда думала о чём-то важном.

«Странно так, – подумала Катя и погладила пальчиками живот сквозь натянутую хлопковую футболку. – Я помогла спасти человека?»

Внутри что-то волнительно затрепетало.

Катя и Сева вернулись из детского сада позже обычного.

Родной, негромкий голос отца послышался у самой калитки. Родители сидели за потёртым от времени пластмассовым столиком под виноградником, пили чай, ждали дочь и внука.

– Ну вы и ходите! – шутливо пожурил отец и вскочил со стула.

– Деда! Деда! – закричал Сева и рванул к бабушке. – Ты де быв?! Я тебя здал!

Максим Леонидович взял внука на руки, осыпал поцелуями порозовевшие от ходьбы щёчки и расчерченные пыльными бороздками ладошки.

– Да мой ты внучок золотой! Я на работе был, – оправдывался дед.

Сева крепко обхватил маленькими ручонками шею бабушки, поцеловал его в ответ и положил пушистую светлую голову ему на плечо.

Катя подошла к отцу, обняла его тоже.

– Привет, пап.

Спокойный будничный вечер тихо стелился по посёлку. Прохладный свежий воздух смешивался с ароматом горячего фруктового чая и кофе с молоком, которые пили без ничего, просто так. Никому не хотелось идти в дом, прятаться в четырех стенах. Почему-то казалось, что настоящая жизнь течёт здесь, где весенний ветерок свободно гуляет под куполом неба.

– А теперь смотрите, что я купила, – заинтриговала Катя,

вынимая из бумажного пакета прямоугольную коробочку. – Я подумала, что домой мне много чего надо, и подарок тёти Маши особо не спасёт.

Катя распаковала гофрированную коробку и достала из неё чёрную лаковую шкатулку в духе федоскинской миниатюры.

Глаза Евгении Васильевны засверкали.

– Красота какая! – ахнула она. – Ну и правильно.

...

Работа по замене кровли шла полным ходом. Со дня на день ожидали доставку металлочерепицы.

Максим Леонидович приехал с дочерью вечером после работы, когда бригады уже не было. Они с Катей навевались сюда каждый день. Сегодня отец вдруг вспомнил, что не заехал куда-то по делам, посадил дочь у калитки и умчался. Катя осталась в своём доме одна.

Ей хотелось побыть здесь как можно дольше. В тихом одиночестве она побродила по комнатам, протерла тоненький слой пыли на мебели, будто ласкала свой дом и уговаривала ещё немного подождать. На окне, которое смотрело прямо на дорогу, Катя снова наткнулась на пустой белый горшок из-под комнатного цветка, вынести который никак не доходили руки.

– Ничего себе! – изумилась она вслух, когда её взгляд упал на земляную трещину, из которой торчал упругий росток заморюлькаса.

«Это точно знак», – подумала Катя.

Она протерла горшок, чтобы кончиками пальцев почувствовать чистую влажную фактуру, щедро смочила земляной комок водой и поставила цветок обратно.

Отца до сих пор не было.

Катя закончила влажную уборку и вышла на улицу, чтобы пройтись по двору.

«В том настоящем я серую крышу сделала, а в этом – тёмно-зеленую захотела. Мой любимый цвет! А стены покрашу в бежевый, – мечтала она. – Кстати, о красках... Папа немножко денег дал. На холст и гуашь хватит. Завтра отведу Севу в детский сад и зайду в магазин канцтоваров. Аж руки чешутся попробовать написать портрет того старца. Ну, хотя бы попытаться».

...

– Паш, это наши новые соседи, что ли? – спросила мужа София Георгиевна, вытягивая шею в окно на кухне.

– Скорее всего, – неуверенно ответил Павел Николаевич.
– Эта девушка с каким-то мужичком каждый день приезжает.

– Да вижу... Вон, по двору ходит туда-а, сюда-а, – увлечённо рассматривала Катю София Георгиевна. – Глянь, стала и улыбается, – заметила она и невольно улыбнулась сама.

– Да может, увидела чего, – ответил Павел Николаевич, наворачивая только что испечённые пирожки.

– Ну не знаю. О, и мужичок приехал. Да, он прям постарше будет! Интересно, это муж или отец?

...

По пути домой Максим Леонидович заехал в магазин, купил пару солёных скумбрий на ужин, килограмм апельсинов и сладости для внука. Катя весь вечер хотела слабосолёной рыбы и повсюду ощущала запах апельсинов.

Отец у самой калитки обогнал дочь, чтобы поскорее войти в дом и убрать в холодильник продукты. Сева деловито поспевал за дедом.

Стоило Кате приблизиться к порогу родительского дома, как тело затрясло так, будто ей в руки сунули вибромолоток. Около сарая стояла покрытая лаком садовая мельница – та самая, которую в том настоящем отец купил незадолго до своей смерти.

– Пап! Папа! – завопила Катя, едва не топая ногами.

– Иду! – отозвался отец из дома, через окно.

Катя нутром чуяла, как его тяжелые торопливые шаги приближаются к выходу.

– Что случилось? Где горит? – спросил отец, выбегая из дома.

– Это что такое?! – крикнула Катя и ткнула пальцем в сторону мельницы.

Отец округлил глаза, развёл руками.

– Здравсьте! Это мельница для сада, – ответил он, будто несмышлёному ребенку. – Я её сегодня купил. Говорил же,

что отлучиться мне надо. Последнюю успел забрать! Представляешь, как повезло! По старой цене урвал. Сказали, что новые дороже будут. А что ты кричишь так? Не нравится? – огорчился отец.

Губы Кати задрожали. Слезы бессилия застряли в горле гипсовым комком. Она еле сдерживалась, чтобы не расплакаться.

– Да я просто разговариваю так. Ну... нравится... Куда ты её хочешь поставить? – спросила Катя порядком тише.

Максим Леонидович набрал в легкие побольше воздуха, повёл дочь на задний двор и, воодушевленно размахивая руками, рассказал о своей задумке.

– ...В следующем году пруд сделаем, а через него – мостик. Я в интернете такое видел. Вдоль забора вот так, в рядочек, поставим деревянные шпалеры и жимолость посадим, чтобы плелась. Лёша Панкратов с нашей улицы, который пчеловод, садовые фигурки из цемента делает. Я у него по осени три штуки закажу. Вон там, смотри, качели для нас с мамой поставим, а рядышком – песочницу, чтобы внуки играли, а мы ими любовались, – мечтал отец.

Катя сглотнула, отвернулась.

– Здорово, пап. У меня аж слезы навернулись. К пруду ещё выведем дорожку из плитки «Старый город» и фонари по бокам поставим, – поддержала Катя.

– Ага, – широко улыбнулся отец и приобнял дочь за плечи.

...

В торговом доме, недалеко от детского сада, помимо канцтоваров и книг, продавали профессиональную акварель, масло, акрил и прочие товары для художников. Мольбертов разве что не было.

На кассе выстроилась очередь. Катя спросила, кто последний, но тут же расплылась в улыбке, как масло на тёплой сковородке. Перед ней стояла Аля.

– Извините, вы крайняя? – спросила Катя, слегка наклонившись к ней.

– Да, – кивнула Аля.

Она держала в руках пять разных шариковых ручек, три красочных блокнота и фиолетовый лаковый пенал. Аля обожала такие штучки.

– Хорошо, тогда я за вами, – ответила Катя.

Аля рассматривала всякие мелочи на витрине, а Катя рассматривала Алю.

«Такая хорошенькая...» – подумала она и спрятала улыбку за распущенными волосами.

...

На замену крыши ушло чуть больше недели. Максим Леонидович принял работу и расплатился с мастерами. За выходные родители сделали для дочери небольшой ремонт: поменяли обои, освежили потолки, покрасили окна, полы.

День, когда отца не стало в том настоящем, прошел, но тревога по-прежнему не отпускала Катю.

«Может, папа будет жить? Вдруг он изменил что-то, при-

нял какое-то... важное решение? – размышляла она, складывая детские вещи в дорожную сумку. – Знать бы, что нас дальше ждёт. Если папа будет жить, то можно переезжать к себе хоть сегодня. А если нет, я бы подольше осталась здесь, чтобы насмотреться на него».

Глаза опять запекло. В груди защемило.

Входная дверь хлопнула.

– Доча, я дома. Ты тут?

– Да, пап, – отозвалась Катя.

– А у нас с мамой для тебя сюрприз! – объявил он нараспев и зашагал в спальню дочери.

– Какой сюрприз? – спросила Катя, выглядывая из своей комнаты.

– Мы купили тебе новый холодильник и стиральную машинку. Стирай пелёнки хоть с утра до вечера!

Катя смущённо улыбнулась, поцеловала отца.

– Спасибо! А деньги откуда?

– С крыши остались. Ну что, смотреть поедем?

– Конечно! – охотно поддержала Катя.

– Только на почту заскочим, мама просила коммуналку оплатить, – потёр затылок отец.

– О, здорово! Я с тобой. За детский сад тоже заплатим.

...

В почтовом отделении было душно и многолюдно. Перед Катей и Максимом Леонидовичем стояло пять человек

с квитанциями в руках.

– Попали, – шепнула Катя отцу.

– Мг... – вздохнул он. – Подождём, спешить вроде некуда.

Максим Леонидович стерёг место в очереди, а Катя бродила по отделению, разглядывая пёстрые витрины, как сумку почтальона в детстве.

– Па, дашь мне рублей двести? – спросила она на ушко, когда снова примкнула к очереди.

Отец кивнул.

Максим Леонидович вытащил из кошелька две купюры и отдал дочери.

– Спасибо! – шепнула Катя.

За ними больше никто не занимал.

Пока оператор принимала оплату, Катя вытащила из пластикового кармашка на стойке пять случайных лотерейных билетов.

– И билетики, пожалуйста! – робко сказала она, протянула оператору две ядовито-желтые бумажки и краем глаза посмотрела на папу.

Максим Леонидович добродушно улыбнулся, подмигнул дочери.

– Розыгрыш сегодня. Чеки сохраняйте, – предупредила оператор.

– Спасибо! – ответила Катя и спрятала билеты с чеками в кошелёк.

...

– Дочь, заночуете здесь или у нас?

– Не знаю, пап. Давай, может, пока начнём вещи потихоньку перевозить? Сумок у нас с Севой ого-го. Я на месте буду их потихоньку перестирывать в новой машинке, гладить и раскладывать по шкафам, а когда возить станет нечего – останемся насовсем.

– А как же... «на новом месте приснишь жених невесте»? – сказал отец строго, но тут же просиял.

– Пап! – Катя засмеялась тоже. – Какой жених? Мне рожать через месяц- полтора. Нашёл невесту! Будто нужны мы кому, – добавила она тише и погладила живот. – Да и нам никого не надо.

Отец изменился в лице. От улыбки не осталось и следа.

– Доча-доча... Да лучше пусть рожать через месяц. Это же наши дети. Они нужны нам, а ты будешь нужна им. Я уверен, что пройдёт время и ты обязательно встретишь кого-то, но... – вздохнул отец. – Если будущий кавалер или его семья твоих детей не примут, как бы больно ни было, разворачивайся и уходи. Чужие люди не обязаны их любить, но уважать – пусть будут добры.

– Конечно, пап. Какие разговоры?

– Ночуйте здесь сегодня. Обустраивайтесь. С внучей, после родов, труднее переехать будет, – скомандовал отец.

Катя не стала перечить.

– Я так люблю тебя, пап, – сказала она и прижалась к отцу.

– И маму тоже очень-очень люблю, хоть и не говорю этого.
– Моя хорошая! И я тебя люблю, всех вас люблю, – ответил отец, обнял дочь в ответ и поцеловал в макушку, как в детстве.

...

– Здравствуйте, баб Валь!

– Здравствуй, Софонька!

– Вы ко мне? – спросила София Георгиевна, убирая запястьем с лица выбившиеся из пучка пряди. Сегодня она взяла выходной, который целиком посвятила уборке палисадников.

– Да, принесла вам деда поминать. Приснился сегодня, есть просил.

София Георгиевна убрала в сторону грабли, сняла перчатки и взяла из рук соседки помин.

– Царствие небесное Александру.

В большом пакете у бабы Вали оставалось еще несколько свертков.

– А я думала до Катюши зайти, и не успела. Она с отцом уехала, – сокрушалась баба Валя, указывая рукой на дом через дорогу.

София Георгиевна обернулась.

– А кто это? Вы их знаете? – спросила она.

– Да конечно. Катюша – это внучка Таисии Митрофановны. Вы её застали? Она учителем всю жизнь проработала. Катюша с мужем разошлась и теперь в доме Таички жить бу-

дет.

– Вот оно как... – приоткрыла рот София Георгиевна. – А я смотрю и думаю: странно как-то, и маленький ребенок по двору бегает, и сама с животом ходит, а мужа не видно. Разве что мужчина в возрасте приезжает. Грешным делом подумала, что это муж и есть.

– Не-е, – махнула рукой баба Валя. – Это отец Кати. Женя, её мать, тоже приезжала недавно. Она мне и рассказала, что Катя тут жить будет. Домик прям ожил. Бабушка, наверное, смотрит и радуется.

София Георгиевна усмехнулась.

– Чему же тут радоваться? Что внучка одна осталась?

– Ой, Софа, да там бабка костями лечь была готова, лишь бы Катю замуж за Макара, жениха её, не пустить. У Таи же сестра была младшая, Маша, вот она в молодости деда этого мальчишки полюбила. И он её полюбил, жениться хотел. Родители его как узнали, быстренько ему другую девку со-сватали. Богатую. Решили, что не пара ему Маша: семья у неё была бедная, многодетная. Отец в сорок первом погиб, а мать одна с шестью детьми осталась. Деда того мальчишки Вовой звали. Как же Маша тогда плакала за ним... После войны и так есть нечего было, а она и то, что было, не ела. Вот идет тебе скелет! Но зато жизнь её потом хорошо сложилась. Она в город уехала ткачихой работать, домой хоть копейки, но привозила. Потом учиться её отправили, замуж удачно вышла. Говорила мне один раз: «Как богатство раз-

давали, мне, Валя, не досталось. А как счастье привезли – я первая была». Маша простила и Вову, и семью его, а Тая – нет. Женя уговаривала мать: «Да перестань... Они же дети, повстречаются и разойдутся». А та ни в какую: «Ну и пусть дети! Гони его от Кати!»

– А баба Тая сама внучку не ругала?

– Ругала, конечно. Той в одно ухо влетело, в другое вылетело. Сами-то мы в их возрасте много стариков слушали?

– Ну так, а дед Вова с женой хорошо жил? – поддерживала разговор София Георгиевна.

– Да какой там. Гулял всю жизнь от неё. По району ещё двоих детей народил. А жена его, Надя, хоть и не красавица писаная, а такая хорошая женщина была. Царствие ей небесное. До тридцати лет засиделась, оттого и терпела Вовку. Боялась одна остаться. Сейчас молодежь на это не смотрит, а тогда, ты что, позор!

– Понятно, баб Валь, дела семейные... – задумчиво ответила София Георгиевна.

Баба Валя задышала чаще, крепче сжала пакет в руках.

– Галка, вон, которая на углу живёт, языком треплет по улице, что муж Катю бросил, потому что она второго дитя нагуляла. Ты её, Софа, не слушай! Дура у нас эта Галка. Я ей сказала, что, как дойдут до Жени сплетни, то она ей все патлы повырывает. А если не дойдут, то я сама расскажу! Собирает брехню по всему селу, а если собирать нечего – то придумывает. За своими лучше бы смотрела.

– Да слышала, баб Валь, – посочувствовала София Георгиевна. – Правда что, не успела девчонка переехать, а ей уже все кости перемыли. В глаза, наверное, будет улыбаться.

Баба Валя живо закивала.

– Хоть нельзя так делать, а трепохвостке этой поминать не понесу. Мой дед её на дух не переносил, когда живой был.

Пока соседки беседовали, ко двору Кругловых подъехала машина Максима Леонидовича. Баба Валя попрощалась с Софией Георгиевной и поспешила к дому наискосок.

...

Всего рейсов было шесть. И Катя, и отец изрядно устали. Максим Леонидович вернулся домой, чтобы отвезти жену на работу в ночную смену, заскочил к сыну и снова приехал к дочери.

Они с Катей сварганили ужин на скорую руку и попили чай с поминальными конфетами бабы Вали. Затем на полу в просторной гостиной дед собрал большую железную дорогу и до самой ночи играл с внуком, чтобы у дочери было время разобрать сумки.

Максим Леонидович уехал поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.